

Мимоходомъ.

IV.

Одинъ изъ героевъ.

Въ Варшавѣ въ настоящее время говорятъ штабъ-ротмистръ Г. Мѣсяць назадъ его имя не сходило со столбцовъ газетъ. Это подъ его руководствомъ наши блиндированные автомобили 21-го полбра одержали надъ нѣмцами замѣчательную побѣду подъ Пабяницами, близъ Лодзи. Командный составъ трехъ автомобилей (двухъ блиндированныхъ и одного автомобиля-пушки) состоялъ изъ 18-ти человекъ.

И эти силы опрокинули ихъ болѣе, ни менѣе какъ *четыре германскихъ полка*, т. е. въ общей сложности, какъ имъ порывѣлъ теперь у нѣмцевъ составъ армейскихъ частей, 6—7 тысячъ человекъ, а можетъ-быть и больше.

Мнѣ удалось недавно бесѣдовать со штабъ-ротмистромъ Г. Это—еще молодой человекъ; у него острые, живые глаза, маленькіе, черные, приподнятые вверхъ усики, выраженіе лица скорѣе добродушное, склонное къ улыбкѣ. Глядя на него, сразу чувствуешь, что это—интересный собесѣдникъ, вѣроятно, прекрасный товарищъ, но трудно угадать, что это—человѣкъ исключительнаго мужества и поразительнаго хладнокровія. Между тѣмъ Г. принадлежитъ къ числу тѣхъ «фантастическихъ» людей, о которыхъ мнѣ уже случалось писать, воплощающихъ въ наши дни въ жизни вымышленные типы Майн-Рида, Жюль Верна, Райдера Гагарда. Мало того: Г.—даже наиболее характерный ихъ представитель, потому что сознательно, но доброй охотѣ ищетъ опасныхъ предпріятій, любитъ ихъ, увлается ими.

Вѣчная сторона, подвигать (яначе нельзя сказать) штабъ-ротмистра Г. была описана много разъ (между прочимъ и въ телеграммѣ «Петроградскаго Агент-

ства»). Поэтому меня интересовали не столько подробности событій, пережитыхъ Г., сколько его психологія. Мнѣ хотѣлось выяснить въ разговорѣ, что испытываютъ люди, подобные ему, въ тѣ минуты и даже часы, когда они, понимая то, беззаветно рискуютъ жизнью, когда все для нихъ зависитъ отъ быстроты сообразительности и отъ присутствія духа, а также и отъ счастливаго случая. Г. очень охотно и, такъ сказать, добродушно отвѣчалъ на мои, можетъ-быть, нескромныя разспросы, и самая простота отвѣтовъ была залогомъ ихъ искренности.

Г. служилъ раньше канитатомъ подводнаго плаванія. Къ этому занію привлекла его тоже фантастичность самаго дѣла. Онъ съ увлеченіемъ рассказывалъ, какъ спускался въ скафандрѣ въ водную глубь, какъ гулялъ по морскому дну, какъ наблюдалъ тайны чуждой намъ стихіи. Г. жалѣлъ лишь объ одномъ: что физическое строеніе человѣка не позволяетъ ему спуститься въ море достаточно глубоко; приходится довольствоваться нѣсколькими саженями глубины, тогда какъ хотѣлось бы поѣхать дно океана, подсмотреть жизнь невѣдомыхъ безднъ, кататься по подводному автомобилю (естъ такіе) среди развалинъ древней исчезнувшей Атлантиды...

Когда началась настоящая война, Г. сразу понялъ, что она можетъ удовлетворить его любовь къ необыкновенному, что въ ней можно будетъ увидѣть и испытать вѣчто такое, что потому станетъ уже невымыслимымъ въ жизни. Не безъ затрудненій уталося Г. смѣнить тотъ мундиръ, который онъ тогда носилъ (преподавателя изъ одного военного учебнаго заведенія), на мундиръ штабъ-ротмистра дѣйствующей арміи. Надо было хлопотать, добиваться; но Г. преодолѣлъ все, потому что «великая война» влекла его къ себѣ neodолжимо. Зная автомобильное дѣло, Г. вступилъ въ нашу автомобильную роту, а затѣмъ получилъ въ свое командованіе блиндированные автомобили.

Ожиданія Г. оправдались. Война дѣйствительно дала ему возможность пережить длинный рядъ «необычайныхъ приключеній». Въ сущности все время войны было для него однимъ сплошнымъ необычайнымъ приключеніемъ, за исключениемъ тѣхъ недолгихъ дней, когда надо было дѣлаться отъ рапы или забегаться въ какомъ-нибудь большомъ городѣ о слабжеин автомобилей пушными принадлежностями. Случаевъ извѣдывать необыкновенное представлялось такъ много, что оставалось только выбирать наиболее соблазнительные. И Г. выбиралъ то тогъ, то другой, «испытывая судьбу» и подставляя свою жизнь подъ все болѣе и болѣе роковыя опасности.

Когда послѣ одного изъ своихъ отчаянныхъ предпріятій Г. возвращался къ товарищамъ невредимымъ или легко раненымъ (какъ, напр., въ бою подъ Пабяницами, гдѣ онъ былъ раненъ въ шею), тѣ говорили ему:

— Перестань играть съ огнемъ. Не можетъ это каждый разъ сходиться съ рукъ. Если ужъ сегодня остался живъ, значитъ, слѣдующій разъ изъ уцѣлешь.

«Но я,—говорилъ мнѣ Г.,—измѣнного фаталиста. Я увѣренъ, что то, что должно случиться, случится, какъ отъ того ни укрывайся, особенно смерть. День ея для каждаго человѣка заранѣе назначенъ. Если я пошелъ на войну, то съ тѣмъ, чтобы видѣть ее всю, провести ее до конца. Что интересно уходитъ съ середины такого замѣчательнаго представленія».

Оправдывая свой фатализмъ, Г. привелъ нѣсколько случаевъ.

Въ бою подъ Пабяницами, когда его помощники стрѣляли по его указаніямъ изъ пулеметовъ, самъ Г. наблюдалъ за движеніями нѣмцевъ сквозь особое, закрывающееся окошечко. Вражеская пуля ударила около самаго окошечка, такъ что осколками разбитого стекла поранило лицо Г. Возмни нѣмецъ прицѣлъ на миллиметръ въ сторону, эта пуля попала бы въ глазъ Г., и онъ

былъ бы убитъ. Эта «случайность» привела на него сильное впечатлѣніе.

Въ концѣ того же боя наши автомобили оказались подбитыми артиллерійскими огнемъ врага. Они уже не могли двигаться сами. Оставивъ нѣсколько человекъ внутри автомобилей, чтобы продолжать отстрѣливаться, Г. съ десяткомъ помощниками вылезъ наружу и покатилъ свою машину (автомобиль-пушку) къ нашимъ позиціямъ. Наезгни изломомъ, крѣпко упираясь ногами, смѣлчачи съ большимъ трудомъ, «изъ омы», под глани впередъ страшно тяжелый автомобиль. Въ это время нѣмцы, хотя и отступая, засыпали ихъ градомъ пуль. На помощь къ автомобилстамъ бросились солдаты ***аго батальона; но первый подбѣжавшій тотчасъ, взмахнувъ руками, упалъ, сраженный на-смерть; другой и третій упали тяжело-ранены. А изъ десяти смѣлчачовъ, совершившихъ подъ пулями весь путь, только двое остались ранены и при томъ легко: всѣ дошли до позицій, докативъ автомобиль. Такой случай дѣйствительно можетъ сдѣлать фаталистомъ.

Во время одной изъ развѣдокъ на автомобиле Г. приблизился къ деревнѣ, о которой не было извѣстно, занята ли она нѣмцами или нашими. Изъ оконовъ открыли по автомобилю ружейный огонь.

Г. нѣкоторое время не рѣшился отдать приказъ стрѣлять въ отвѣтъ изъ пулемета. Помощники Г., находившіеся внутри автомобиля, были подъ защитой брони, самъ же онъ, стоя и глядя въ бинокль окрестности, представлялъ прекрасную мишень для прицѣла, такъ какъ верхъ машины былъ открытъ. Пока вполне выяснилась, что деревня занята нѣмцами, прошло нѣсколько минутъ, въ теченіе которыхъ Г., по грудь выступавшій изъ-за брони, служилъ единственной цѣлью стрѣльбы. Но ни одна изъ сотенъ, если не тысячъ, пуль не коснулась его. Это уже близко подходило къ предпріятію.

Я интересовался, какой случай изъ всей дѣятельности Г. на войнѣ привелъ на него наибольшее впечатлѣніе. Въ отвѣтъ онъ рассказалъ еще одно свое «маленькое» приключеніе.

При вторичномъ наступленіи нѣмцевъ на Ловичъ необходимо было выдвинуть, какъ далеко они успѣли продвинулись. На развѣдку отправился Г. на простомъ (неблиндированномъ) автомобиле. Онъ миновалъ наши передовыя позиціи, на которыхъ ничего не было извѣстно о мѣстонахожденіи неприятеля, потомъ миновалъ и деревню, указанную какъ послѣдній этапъ развѣдки, но и тамъ еще не было признака нѣмцевъ. Г. рѣшилъ ѣхать дальше и незамѣтно, летя со скоростью верстъ 70 въ часъ, оказался въ другой большой деревнѣ. Солдаты, исполнявшій обязанности шофера, вдругъ остановили моторъ и шептались: «Ваше благородіе, здѣсь нѣмцы». Дѣйствительно поблизости стояли два германскихъ кавалериста; подальше виднѣлась цѣлая ихъ группа. По счастью, на нижнихъ чинахъ, бывшихъ съ Г., (кромя шофера, въ автомобилѣ сидѣло еще двое солдатъ съ винтовками), на дѣти были автомобильные шлемы, изданъ походже на прусскія каски. Но на самомъ Г. была панaha. Нѣмецкіе кавалеристы неизменно смотрѣли на него, дажно взвѣсивъ въ деревню автомобиль и, кажется, склонны были думать, что это ихъ товарищи привезли какого-то нѣзнака въ панахѣ. Сразу сообразивъ положеніе, Г. приказалъ шоферу повернуть автомобиль, однако не торопливо, безъ всякой тревоги, что и было исполнено. Нѣмцы продолжали недоумѣвать, но потомъ два всадника тронули лошадей, направляясь къ автомобилю. Было уже поздно. Г. приказалъ стрѣлять, цѣлясь въ лошадей, такъ какъ у него мелькнула мысль не только уйти, но и захватить алѣбныхъ. Последнее было однако уже «черезчуръ»; нѣмцы отъ выстрѣловъ увернулись, но и автомобиль припался

поспѣшно уходить отъ скакавшихъ на него кавалеристовъ. Разумется, лошади не могли догнать мотора, и Г. опять невредимо вернулся изъ развѣдки.

Этотъ эпизодъ Г. рассказывалъ съ истиннымъ увлеченіемъ. Его прямо восхищала мысль, что на автомобилѣ можно неожиданно вернуться въ самое расположеніе нѣмцевъ. «Послѣ того я нѣсколько разъ пытался сдѣлать то же,—говорилъ Г.—Пока все какъ-то не удавалось, но я не теряю надежды».

Замѣчательно, что, описывая это свое приключеніе, какъ и предидущія, Г. оставалъ въ тѣнѣ то самообладаніе, которое одо позволило ему спастись изъ опаснаго положенія. Напротивъ, онъ подчеркивалъ странность, причужденность самаго стеченія обстоятельствъ. Это, можетъ-быть, дастъ ключъ къ психологіи и людей, подобныхъ ему. Постоянное присутствіе духа, хладнокровіе составляютъ самую сущность ихъ. Это создаетъ въ нихъ потребность найти примѣненіе ему; ихъ привлекаетъ опасность, какъ возможность проявить то, въ чемъ ихъ сила. Обычная, повседневная жизнь не даетъ простора, гдѣ могла бы въ полной мѣрѣ обнаружиться ихъ способность соображать сразу, споконно рассуждать при самыхъ исключительныхъ обстоятельствахъ, мгновенно, безъ колебаній и безмолвно, принимая важныя рѣшенія. И вотъ, чтобы удовлетворить благородную потребность своего духа, эти люди идутъ на службу въ подводныя лодки, въ агитеры, въ развѣдчики, влекутся на войну, позволяющую имъ быть вольнѣ самими собой.

Въ параллель можно поставить людей, обладающихъ отъ природы умомъ, склонностью къ дилектикамъ. Такие люди жадно рвутся въ споръ, добиваются его, ищутъ искусныхъ спорщиковъ, чтобы помѣряться съ ними силами. Намомно примѣръ А. С. Хомякова, который по всей Москвѣ разыскивалъ умѣлыхъ спорщиковъ, ѣздилъ къ неизвѣстнымъ сту-

дентамъ, о которыхъ слышалъ, что они «хорошо спорятъ». Нѣтъ надобности говорить, что такое объявленіе отнюдь не умаляетъ огромныхъ заслугъ людей, подобныхъ штабъ-ротмистру Г., и нашего восхищенія ихъ героическими подвигами. Такъ и любовь къ спорамъ А. С. Хомякова нисколько не умаляетъ нашего уваженія къ нему какъ къ мыслителю.

Мелалъ провѣрить свое пониманіе характера Г., а въ концѣ бесѣды спросилъ его, неужели при всемъ своемъ фатализмѣ онъ не чувствуетъ нѣкотораго волненія, паходясь подъ огнемъ.

— Къ огню легко привыкаешь,—отвѣтилъ онъ.—Къ тому же артиллерійскій огонь не особенно опасенъ. Снаряды крупнаго калибра пролетаютъ самымъ впечатлѣніемъ лишь на прострѣхъ людей, на солдатъ, но больше свѣмъ шумомъ и грохотомъ. Человѣкъ интеллигентный скоро замѣчаетъ, что снаряды летятъ сравнительно медленно.

«Да,—подумалъ я,—это очень просто для такихъ людей, какъ Г., но не всякій способенъ воспользоваться его советомъ».

Въ самомъ дѣлѣ, какое нужно присутствіе духа, чтобы по звуку летящей гранаты или снаряда угадывать, гдѣ она упадетъ, и соответственно тому въ время мѣнять мѣсто! Или, чтобы, замѣчая, гдѣ падаютъ неприятельскіе снаряды, въ время переѣзгать свой автомобиль то на 100 шаговъ впередъ, то на 300 назадъ! Только Г. и подобные ему способны выполнять такіе маневры подъ дождемъ пуль, среди грохота и огня боя. Да будутъ же эти строки данью моего восхищенія передъ смелымъ мужествомъ Г., уже оказавшимъ нашей арміи рядъ неоцѣнимыхъ услугъ!

Валерій Брюсовъ.

Варшава, 22-го декабря.